

X 902.7
B74

ВОПРОСЫ
ЭТНОГРАФИИ
ХАКАСИИ

ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

X 902.7
B74

ВОПРОСЫ ЭТНОГРАФИИ ХАКАСИИ

Хакасская областная
БИБЛИОТЕКА

г. Абакан — 1981

ДРЕВНЕХАКАССКИЕ САНИ

(Из истории средств передвижения)

Средства передвижения коренных народов Сибири изучены очень неравномерно. Не является исключением и ползочный транспорт. Лишь о сибирских оленных и собачьих нартах существует серьезные исследования¹. Проблема их происхождения заставила обратить внимание на ручные санки охотников². О других видах саней во всех доступных нам сочинениях речи нет. Видимо, массовый материал по аборигенным саням уже утрачен для науки. В литературе, правда, всегда отмечается, что этот вид транспорта был и у «неоленных» народов лесостепной зоны Сибири, но, что наибольшее распространение получили повсеместно сани русского образца (дровни, кошевки, розвальни). Действительно ли не было у сибирских народов других саней? Правда ли, что в Сибири испокон веков впрягали в сани только собак да оленей или впрягались сами, а многочисленные лошади, быки и верблюды так и не использовались в санной запряжке?

Но применительно к Южной Сибири ответить на этот вопрос все же можно. Редкие археологические находки позволяют заключить, что этнография просто не успела зафиксировать материалы об аборигенных санных упряжках народов Саяно-Алтайского нагорья.

Пока единственным сохранившимся экземпляром древних саней, являются сани, найденные в Хакасии в гротовом погребении скалы Узун Хая на левом берегу р. Есь. Погребение относится к началу XI в.³. Сани хранятся ныне в Хакасском областном краеведческом музее.

В углубление грота сани были положены в разобран-

¹ См., например, Антропова В. В. Старинные камчатальские сани. — Сб. МАЭ, с. X, Л., 1949; Антропова В. В., Левин М. Г. Упряжное собаководство. — Историко-этнографический атлас Сибири. М.—Л., 1961; Василевич Г. М., Левин М. Г. Оленный транспорт. — Там же; Левин М. Г. Происхождение упряжного собаководства. — СЭ, 1946, № 4.

² Левин М. Г. Указ. соч., с. 81.

³ Предварительное определение материалов Узун Хая см.: Кызласов И. Л. Курганы средневековых хакасов XIII—XIV вв. (Аскизская культура в монгольское время). — СА, 1978, № 1, рис. 1, 1, 57—74.

ном состоянии. Многие их части перед этим были специально разломаны или перерублены и поэтому частично не попали в погребение. К тому же, погребение было случайно открыто чабанами, и только позже доследован археологами⁴. При сборке саней и их восстановлении пришлось иметь дело с плохо сохранившимися и деформированными деталями и частями (рис. 1).

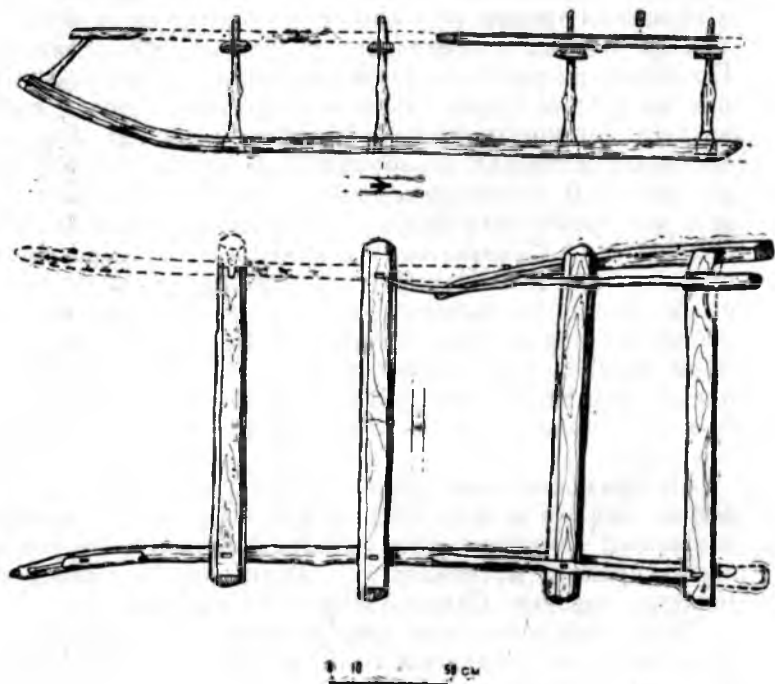

Рис. 1

Левый полоз саней сохранился почти полностью. Он перерублен пополам, а задок отломился по пазу крепления последнего копыла. Полоз сохранился на длину 310 см, его толщина 7—5—8 см., ширина 6—7 см. Поперечное сечение трапецевидное (большое основание слегка выпуклое). Полоз имеет пять сквозных пазов для крепления копыльев. Размеры пазов (от головки саней) составляют 6,5x1,5; 8,5x1,3; 8x1; 8x1,2; 7x1,1 см. Передок

⁴ См.: Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. Исследование замка в дельте Уйбата. — АО, 1976, М., 1977, с. 214.

полоза, стесанный топором, загнут ввѣрх на высоту до 27 см. (рис. 2).

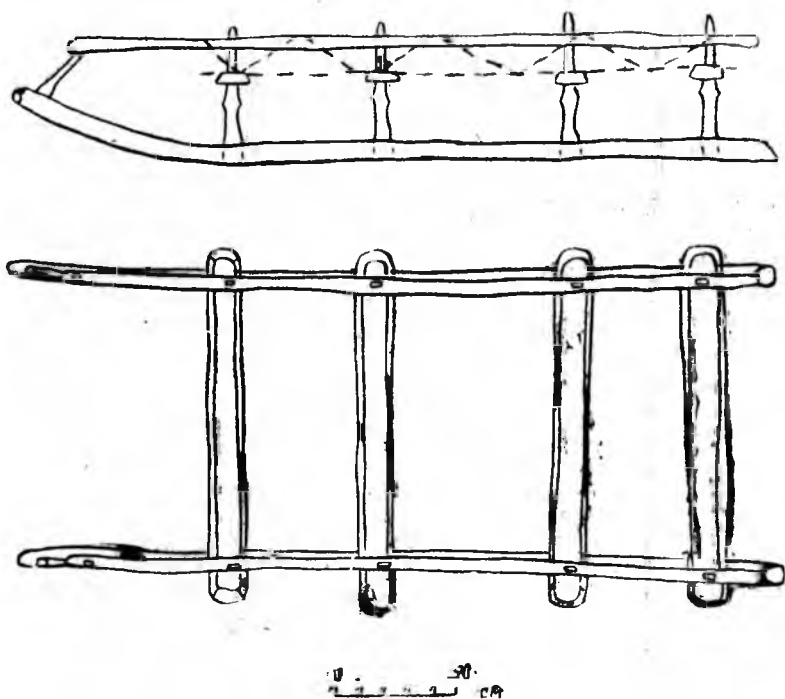

Рис. 2

Правый полоз также был перерублен. Сохранилась лишь его задняя часть, длиною 145 см., с двумя пазами последних копыльев (рис. 1). Конец полоза отдален от последнего копыльного паза на 30 см. Сопоставляя размеры левого полоза, мы устанавливаем общую первоначальную длину полозьев — 330 см. Задок полоза косо срезан спереди назад так, что основание полоза выступает за линию его верхней грани. Полозья вытесаны из березы.

Сохранилось 6 целых и два обломка березовых копыльев. Длина целых — 60; 66, 61, 63, 61, 61 см. Толщина — от 0,7 (у пяти экземпляров) до 0,8 см. Широкие в основании копылья плавно сужаются к верхушкам (рис. 2). В нижней трети высоты копылья расширяются, принимая ромбовидные очертания. Углы этих выступов

расположены на высоте от 17 до 20 см (у трех — 19 см.). Участок выше расширения имеет ширину около 3 см., вершина копыла скруглена. Соответственно форме ширина копыльев колеблется: 4,5—2,5; 6—3; 7—3; 6—3; 7—3; 6,3—2,7 см. Копыл с самым узким основанием не имеет ромбовидного расширения и, судя по размерам первого копыльного паза (также более узкого, чем остальные), вставлялся в него. В таком случае, этот копыл занимал не вертикальное, и наклонное положение и связывал переднюю часть полоза с нащепом (рис. 1).

Полностью сохранились все четыре переводины саней, соединявшие полозья между собой и надевавшиеся на копылья (рис. 1). Мы не называем эти части конструкции вязами, т. к. они вытесаны из березовых однорезичи и для соединения с копыльями имеют специально прорубленные сквозные пазы. Таким образом, никакого «вязания», как, скажем, в конструкции русских саней⁵, здесь нет. Длина переводин 148 и 157 см (у двух других не сохранился один из концов), толщина — 5,5; 5; 5, а у четвертой колеблется от 2,5 до 5 см. Их плавно выпуклые основания шире верхних граней и ширина переводин составляет по основанию от 12,5 до 16 см., а верхней грани от 10 до 12 см. Одна из переводин имеет грани почти равной ширины. В каждой переводине вырублено по два сквозных паза для соединения с копыльями. Размеры пазов 5,5x2; 4,5x2,3; 4,7x2,1 см. Расстояние между пазами одной переводины составляет 119—122 см. Концы переводин скруглены. Одна из переводин перерублена пополам.

Ни один из двух нащепов не сохранился полностью. Два сохранившихся крупных обломка имеют размеры 115x4x4 и 132x4x3,6 см. В каждом сохранилось по два сквозных паза для соединения с копыльями (два целиком — 3,7x1,3 и 5,7x1,3 см — и два частично). Оба нащепы сделаны из черемуховых жердей, затесанных с двух сторон или только с одного края. Сохранились также отдельные куски переднего и заднего концов нащепов. Они скруглены и имеют сквозные пазы. Наклон переднего конца нащепы подтверждает наклонное положение первой пары копыльев саней. Общая длина нащепов, вероятно, была немногим короче 300 см.

---

⁵ Приношу глубокую благодарность А. А. Лебедевой за консультацию по конструктивным особенностям русских саней и библиографии вопроса.

Таким образом, сани, найденные в гротовом погребении скалы Узун Хая, собираются следующим образом (рис. 1). Это были крупные четырехкопыльные сани со слабо загнутыми полозьями общей длиной 3,3 м. Основной платформы служили четыре широких переводины, крепившиеся на копыльях. Боковые борта образовывали два нащепы, высоту крепления которых позволяет определить положение первой пары косых копыльев. Нижний край нащепов возвышался над землей на 48, а верхний на 52 см. Передок саней имел довольно оригинальную конструкцию: концы слабо загнутых полозьев соединялись с нащепами при помощи двух косо поставленных копыльев. Все основные детали саней соединялись между собой при помощи сквозных пазов прямоугольной в плане формы. Сани были сделаны из березы (все основные части) и черемухи (нащепы). Инструментами служили топор, тесло и долото. По отпечаткам можно установить, что тесло имело рабочую часть полудунного в сечении очертания, общей шириной 4,3 см. Долото применялось для пробивания пазов. Судя по расстоянию между копыльями (по пазам переводин), полозья располагались в 1,2 м друг от друга, а общая ширина саней составляла 1,3 м. Высота их над землей достигала 60 см.

Восстанавливая облик узунхайнских саней, приходится учитывать, что они некогда являлись деталью определенного обряда. Об этом прежде всего свидетельствует обнаружение их в погребении. Во-вторых, они подвергались намеренному ритуальному разрушению. Дело не только в том, что сани лежали в гроте в разобранном виде, но и в том, что разные их детали до помещения в грот, как уже отмечалось, были специально переломлены или перерублены топором. Обрядовое назначение саней косвенно подтверждается и другими наблюдениями. В естественно сложившемся сухом микроклимате закрытого гротового погребения хорошо сохранились не только деревянные предметы, но и ткани, кожа, меха. Довольно многочисленные остатки легкой шелковой одежды позволяют заключить, что умерший был похоронен в летнем платье. Видимо, обряд совершался в теплое время года. В этих условиях прямой необходимости в санях как в средстве передвижения не было. В XI в., когда было совершено это погребение, в древнехакасском государстве широко использовались разные

виды колесных повозок⁶. О летнем использовании изучаемых саней свидетельствуют и следы сильной потери, даже ободранности нижних граней полозьев.

Если перед нами специальные погребальные сани, то при их реконструкции необходимо учитывать возможность их одноразового использования. То, что узунхайнские сани были изготовлены специально для совершения погребального обряда⁷, можно заключить по нарочитой небрежности изготовления этого экземпляра. Деформация древесины при усушке может объяснить плохую подогнанность друг к другу пазов и шипов, шаткость узлов крепления. Но поспешность видна и в грубой затеске.

Нет сомнения, что в целом узунхайнские сани являются точной копией грузовых саней той эпохи. Некоторые черты этого экземпляра могут быть порождены той небрежностью, с которой создавали их в расчете на одноразовое употребление в обряде похорон. Например, этим (а также пересыханием дерева в гроте), с нашей точки зрения, объясняется высокое расположение переводин у полностью собранного экземпляра (рис. 1). В таком виде сани не имеют кузова. Совершенно ясно, что истинное положение переводин при подобной конструкции саней — более низкое их размещение близ ромбовидных выступов копыльев. На реальное назначение этих выступов, предназначенных для фиксации положения переводин, указывает отсутствие их на передних косых копыльях, функция которых иная. При более низком расположении переводин между ними и нащепами образуется неглубокий кузов.

Средневековые сани — большая редкость. Нам известен лишь один пункт находок саней, относительно одновременных древнехакасским, — Новгород. Здесь встречено два довольно полно сохранившихся развала саней второй четверти и второй половины XI в.⁸ Новгородские

---

⁶ Кызласов Л. Р. Курганы средневековых хакасов (аскизская культура). — В сб.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975, с. 196.

⁷ Таковые сооружали, например, чукчи (Зеление Д. К. Обычай «добровольной смерти» у примитивных народов. Л., 1935, отд. оттиск, с. 59); ср. Анучин Д. Н. Сани, ладья и кони как принадлежность похоронного обряда. — Древности, т. XIV, М., 1890, с. 94.

⁸ Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. САИ, ЕІ—55, М., 1968, с. 54, табл. 39, 2, 4; 40, 4.

сани немного меньше узунхайнских: короче (245 и 280 см), уже (74 см.) и ниже (53 и 54 см.). Но многое сходно. Копылья также врезаны в пазы полозьев⁹ (у раннего экземпляра их тоже четыре). Основу платформы составляют четыре переводины (но они крепятся на вязах). Дно кузова образовано пластинами коры, постеленными на перекладки; высота его над землей 33 см. У древнехакасских саней также нет дощатого настила. Возможно, у бытовых южносибирских саней сплошное покрытие платформы тоже было корьевым.

Но у узунхайнских саней покрытие, вероятно, было иным. В гроте нет следов гроба или колоды. Очевидно, тело умершего перевозилось на санях без них. Следовательно, умерший был положен в одежду и обуви (найжены остатки мягких сапожек) на какую-то подстилку. В гроте обнаружены остатки тростниковой циновки и куски войлока. Скорее всего, умерший был перенесен в грот на тех же покрывах, которые образовывали дно платформы погребальных саней, — на циновке и войлочной кошме.

Если принять второй из оговоренных вариантов реконструкции расположения переводин (рис. 2), то высота платформы древнехакасских саней будет близка древнерусским — ромбовидные расширения копыльев узунхайнского экземпляра расположены на высоте 20 см, а переводины должны были покоиться несколько выше их.

Сходство древнерусских и древнехакасских саней, как видим, главным образом заключается в едином принципе соединения деталей — пазовом (пазами надевался на копылья и нащеп). Отличия состоят в ином типе кузова. У древнерусских саней нащеп находился на уровне вязов, как в первом варианте реконструкции узунхайнского экземпляра, но боковые борта у них все же есть — они образованы возвышающимися концами копыльев. Древнерусские сани отличаются парным креплением копыльев разных полозьев вязами, а не переводинами с пазами. Еще более существенным различием является оформление передка. У древнерусских саней он обычно не имел связи с нащепами, но головки полозьев соединялись между собой особой перекладной (правда, на опубликованных изображениях экземпляров XI в. этого

---

⁹ Древнерусские сани тоже иногда имели в полозьях сквозные пазы (там же, табл. 44, 2).

нет). Вторым отличием являются круто загнутые вверх головки полозьев древнерусских саней (отметим, однако, низкий передок вторых саней XI в. из Новгорода).

Изучение древних новгородских саней показало, их конструктивную близость современным русским дровням¹⁰. Подобная консервативность облика универсальных грузовых саней позволяет нам использовать для поиска аналогий узунхаинским саням современные этнографические материалы, обращая особое внимание на грузовые сани.

Выбор в качестве поделочного материала для саней березы и черемухи находит самые широкие аналогии. Из этих же пород дерева, например, изготовляли сани в Карелии, и на русском Севере¹¹. Среди средств передвижения народов, населяющих Европейскую часть нашей страны, хорошо изучены сани эстонцев¹². Дровни здесь аналогичны русским и являются результатом культурного воздействия. Общая черта, сближающая русские и эстонские сани с древнехакасскими, — прямо поставленные копылья. Гладкие копылья, типа узунхаинских, появляются на Руси только около XII в.¹³. Есть у эстонских саней и еще одна интересная особенность, аналогичная древнехакасским, — для соединения копыльев разных полозьев здесь также используются не вязы, а переводины со сквозными пазами. Традиционность этой черты обосновывается лингвистическими данными прибалтийско-финских народов, поздним появлением вязов у древнерусских саней (хотя новгородские раскопки фиксируют их уже в XI в.) и географической широтой употребления переводин (указан Северный Казахстан и сделана глухая сноска на народы Сибири).

Все эти детали очень интересны и важны. Но какие черты конструкции саней надо считать наиболее существенными при их типологическом определении?

Как это ни странно на первый взгляд, но типология

---

¹⁰ Колчин Б. А. Указ. соч., с. 55; Бежкович А. С., Жегалова С. К., Лебедева А. А., Просвиркина С. К. Хозяйство и быт русских крестьян. — В кн.: Памятники материальной культуры. Определитель. М., 1959, с. 204—206, 209.

¹¹ Гароева Р. Ф. Материальная культура карел. М.—Л., 1965, с. 73; Новикова Т. Почему ушли чудаки... — Литературная газета, 1979, 17 янв.

¹² Вийрес А. О. Санний транспорт у эстонцев. — В кн.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959.

¹³ Колчин Б. А. Указ. соч., с. 52.

полозных средств передвижения наиболее разработана по отношению к саням народов Сибири, а не Европы, и прежде всего — к оленным и собачьим нартам. Однако при решении конкретного вопроса о типологической принадлежности древнехакасских саней приходишь к мысли о недостаточной подробности имеющихся классификаций. Основой типологизации служит форма копыльев (дуго-, косо- и прямокопыльные). Далее выделяются только варианты (главным образом, географические), учитывающие иные детали конструкции (по схеме: копыля — полозья—настил—баран—крепление)¹⁴. Не всегда эти более мелкие единицы классификации избираются по единому принципу¹⁵.

Начнем сравнение с оленными нартами. Прямые копыля сужают круг поисков только до двух вариантов — североякутского и алдано-амурского. В этом типе нарт находят аналогию многие черты древнехакасских саней: окаймленность верха копыльев нащепом, удаленность нащепов от дна нарт, легкая загнутость полозьев и то, что они не соединены в передке поперечиной. Но есть и несоответствия: иная конструкция настила, имеется баран (горизонтально расположенная дуга, выступающая за передок), крепление производится с помощью не только пазов, но и ремешков. Судя по иллюстрациям, для этого типа характерно также отсутствие конструктивной связи нащепов с полозьями. Однако характеристика прямокопыльных нарт не включает в себя многих черт древнехакасских саней. Например, использование в креплении только шипов и пазов более характерно для современных косокопыльных нарт; для их тундрового варианта характерно и отсутствие барана. Для самодийских нарт типичен и сквозной паз для копыла в полозе. В описании оленных нарт мы вообще не находим переводин, соединяющих пары противостоящих копыльев. Здесь перекладины обычно врезаны в пазы расширяющихся копыльев¹⁶.

Обратимся к собачьим нартам. Здесь наиболее близок к узунханским саням восточносибирский вариант прямокопыльных нарт: полозья загнуты только спереди,

¹⁴ Василевич Г. М., Левин М. Г. Олений транспорт, с. 20—21.

¹⁵ Антропова В. В., Левин М. Г. Упряжное собаководство, с. 60.

¹⁶ Василевич Г. М., Левин М. Г. Указ. соч., с. 20—21, табл. 1, 3, 5, 6; VII, 36.

копыльев три-четыре пары, неглубокий кузов, верхние края которого — нащепы, нет соединения передков полозьев друг с другом, часто впрямую не соединяется с головкой полоза и нащеп. Но снова не та система крепления, а на пазах и шипах крепятся детали только косокопыльных нарт Западной Сибири. Если предположить отсутствие кузова у узунхайнских саней (рис. 1), то и в этом — близость к косокопыльным. Нет у древнехакасского экземпляра и ряда деталей восточносибирского варианта нарт: барана, вертикальной дуги¹⁷.

Таким образом, узунхайнские сани представляют собой, с позиций имеющихся классификаций полозного транспорта, интересную форму, соединяющую в себе черты двух основных больших типов нарт: прямокопыльных и косокопыльных. К первым близки: слабо загнутый полоз, отсутствие перемычки в передке полозьев, окаймляющее положение нащепов на копыльях, отсутствие прямой связи нащепов с головкой полоза и, конечно, прямые копылья. Со вторым типом нарт сани сближают: пазовое крепление без ремешков, отсутствие барана (в тундровом варианте), сквозной копыльный паз в полозе. Какой бы тип платформы — с кузовом или без него (рис. 1) — мы ни признали правильным при реконструкции древнехакасских саней, это добавит лишь еще одну черту того или иного типа. Интересно отметить, что грузовые нарты самодийского типа иногда имеют и прямые копылья, а не косые, как это зафиксировано для всего того типа, к которому они относятся¹⁸. Эта черта сводит на нет одно из существенных расхождений двух главных типов нарт общепринятой классификации и заставляет пожалеть о том, что грузовым саням при ее разработке было уделено меньше внимания, чем ездовым нартам. При этом получаем еще одно подтверждение, что грузовой транспорт должен в первую очередь изучаться при решении проблем происхождения различных форм полозных средств передвижения.

Остается рассмотреть ручные нарты охотников, которые многие исследователи считают типологическим предшественником собачьих упряжных нарт. В частности, восточносибирская нарта, наиболее распространенная в упряжном собаководстве Сибири, как полагают, проис-

¹⁷ Антропова В. В., Левин М. Г. Указ. соч., с. 60.

¹⁸ Василевич Г. М., Левин М. Г. Указ. соч., с. 24.

ходит от типа западносибирской ручной нарты¹⁹. К нему и восходит сходство с древнехакасскими санями, которое уже отмечалось для восточносибирского типа собачьих нарт. Добавим, что для западносибирских ручных нарт характерно отсутствие переднего барана. Именно этот тип ручных санок имел повсеместное распространение на Саяно-Алтае. Неглубокий кузов таких нарт позволяет считать правильной предлагаемую реконструкцию саней древнехакасского типа и предположить ременное оплетение их бортов.

География распространения типов нарт, имеющих сходство с узунхайнскими санями следующая: оленные прямокопильные нарты применяют северные якуты, долганы, олекминские эвенки и эвены Якутии; косокопильные — самодийские народы, кеты, якуты, живущие близ долган, часть эвенков; собачьи нарты — восточносибирский вариант прямокопильных нарт распространен очень широко, но сложился он, видимо, в Западной Сибири; косокопильные нарты — в этом же районе; ручные нарты бытуют на Саяно-Алтайском нагорье.

Такая локализация несомненно указывает на местное формирование древнехакасских грузовых саней, а те особенности, которые сближают их с нартами ряда народов Западной Сибири (главным образом, угро-, самодийско- и тюркоязычных), возможно, следует признать наиболее архаичными. Во всяком случае, складывается впечатление, что узунхайнские сани отразили тесное взаимовлияние всех этих конструктивных особенностей уже в начале XI в. Это не удивительно, т. к. хорошо известно, что Саяно-Алтайское нагорье — исконный район формирования и взаимодействия представителей всех упомянутых языковых семей. Особенно активно процессы взаимодействия происходили здесь уж с начала II в. до н. э.

Все приведенные наблюдения дают интересный материал для историко-культурных исследований в области полозного транспорта²⁰. Однако это задача будущей работы. Когда появились сани на Саяно-Алтайском на-

---

¹⁹ Антропова В. В., Левин М. Г. Указ. соч., с. 63.

²⁰ Так, например, переводины встречаются у рабочих саней в Манчжурии (Стариков В. С. Материальная культура китайцев Северо-Восточных провинций КНР. М., 1967, с. 177, ср. рис. 50). К сожалению, сани соседних «неоленных» народов Западной и Восточной Сибири также плохо представлены в литературе.

горе? Археологически узунхайнские сани — древнейший известный экземпляр. Но в Хакасии есть еще один памятник, содержащий материал к истории полозного транспорта в Южной Сибири. Это писаница на скале Хызыл Хая в отрогах Сахсарского хребта, по дороге со ст. Капчалы на оз. Баланкуль, на правом берегу р. Уйбат. Наскальные рисунки неоднократно публиковались, но имеющимся среди них изображениям саней до сих пор серьезного внимания не уделялось²¹.

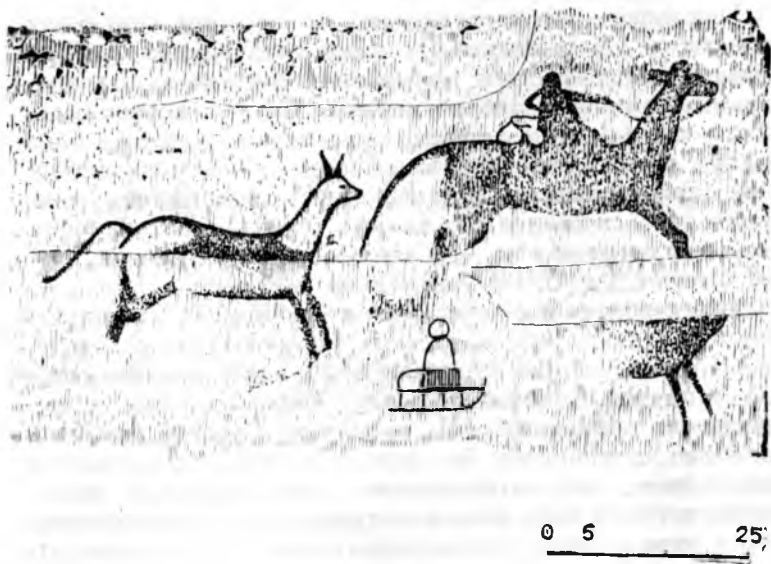

Рис. 3.

В многофигурной композиции на Хызыл Хае сохранилось два изображения людей, едущих на санях. В одном случае рисунок саней сохранился полностью (рис. 3). Ясно различимы: четыре прямых копыла, длинный круто загнутый вперед полоз и нащеп, соединяющийся с головкой полоза. Конец полоза поднимается несколько выше нащепка. Передний конец грядки чуть выше заднего и общий верхний контур изображения саней покатый от передка к задку. Нащеп в задней части короче полоза, а

²¹ Савенков И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. — Труды XIV АС в Чернигове. 1908. М., 1910, с. 206. табл. VIII, рис. XVI, 1, 2; Дэвлет М. А. Боярская писаница. М., 1978, табл. XIV.

дно платформы саней ещё короче. Все четыре копыла тесно поставлены в центральной части саней — задний конец нащеп нависает на значительном протяжении. Интересна еще одна особенность изображения — сани на рисунке лишены каких бы то ни было бортов — нащеп лежит на верхних концах копыльев, не образуя кузова. Эта черта сближает сани писаницы Хызыл Хая с узунхайнскими. Сближает их и четырехкопыльность. Различия относятся не только к конструкции передка, но и к отдельным деталям оформления платформы. На хызылхайнском изображении ясно различима какая-то вертикально стоящая за человеческой фигурой дуга. В данном случае она, возможно, выполняет функцию некоей спинки для седока. Весьма заманчиво сближать конструкцию изображенных здесь саней с восточносибирским вариантом современных прямокопыльных нарт, особенностью которых как раз и является вертикальная дуга кузова²².

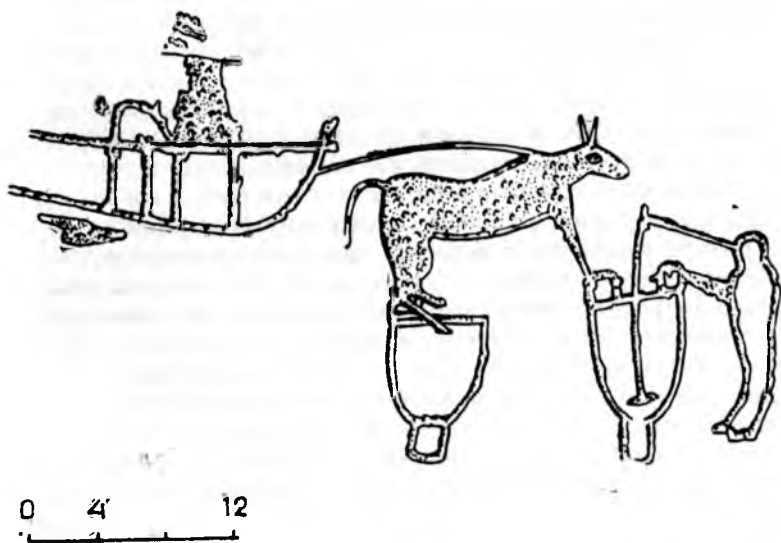

Рис. 4.

На хызылхайнской писанице есть и второе изображение саней (рис. 4). Оно сохранилось хуже первого: утрачена задняя часть рисунка. Но заметные здесь четыре

²² Антропова В. В., Левин М. Г. Указ. соч., с. 60.

копыла, круто загнутый соединяющийся с нащепом полоз, отсутствие кузова и вертикальная дуга за спиной сидящего человека, — все приводит к выводу, что оба рисунка передают один и тот же тип полозных повозок.

Не менее важны для нас другие особенности рисунков. На первом из них хорошо изображено тягловое животное. Сравнение его с группой всадников, имеющейся в той же композиции, не оставляет сомнения, что в сани запряжена лошадь. Перед вторым рисунком также сохранились задние ноги коня. Конскую фигуру на первом рисунке соединяет с передком саней изогнутая линия. Ее мягкие очертания, вероятно, передают ремень. Линия эта начинается от изгиба полоза (ниже нащепа), и заканчивается у хорошо выделенной на рисунке холки коня. Эти особенности хызылхайнских изображений, во-первых, позволяют положительно ответить на вопрос о возможности запряжки лошадей в узунхайнские сани, во-вторых, указывают на систему этой самой запряжки: ременные тяжи, соединяющиеся с каким-то приспособлением конской сбруи. Эта часть упряжи располагалась в районе холки лошади, следовательно, основное давление при движении происходило на плечи коня. Это принцип хомута, а не ярма. Так определяется принадлежность изучаемой упряжи к одному из двух крупных культурных типов в истории транспорта²³. Вывод подтверждается и запряжкой одного, а не двух тягловых животных.

Однако затронутая здесь проблема более сложна. В литературе существует мнение, что хомут возникает на Дальнем Востоке только в VII в. н. э.²⁴ И, наконец, ряд этнографических саяно-алтайских материалов позволяет предположить иную систему запряжки животных в повозку — без ярма и без хомута. Так, еще недавно алтайцы запрягали коней в плуг с помощью крепившейся к седлу пары длинных ремней²⁵. Аналогично — веревками к седлу — запрягали в андазын лошадей и тубалары, а тувинцы — быка²⁶. У последних подобная запряжка коня

²³ Артамонов М. И. К истории средств передвижения. — ПИМК, 1933, № 5—6.

²⁴ Колчин Б. А. Новгородские древности, с. 56.

²⁵ Народы Сибири. Под ред.: М. Г. Левина и Л. П. Потапова. — В серии: Народы мира. Этнографические очерки. М.—Л., 1956, с. 334, рис. 6.

²⁶ Дыренкова Н. П., Потапов Л. Озуп и абыл — хозяйственные орудия шорцев Кузнецкой тайги (из области первобытной культуры турецких племен). — В сб.: Культура и письменность Востока, кн. III, Баку, 1928, с. 113—114, прим. 5.

практиковалась и в сани²⁷. Полагаем, что более глубокое изучение системы запряжки у коренных народов Сибири, в частности Саяно-Алтайского нагорья, для которого у нас здесь нет возможности, позволило бы, вероятно, выделить и третий, до сих пор не привлекавший к себе внимания, тип упряжи в истории транспорта, связанный не с ярмом и дышлом, не с хомутом и оглоблями, а с седлом и парой ремней или веревок. Этот тип, который по аналогии с известной запряжкой пристяжных лошадей можно было бы назвать постромочным, принципиально близок второму из перечисленных, и возможно, типологически предшествовал ему.

Все сказанное не избавляет нас от необходимости датирования хызылхайнских рисунков. На них встречаются и контурные, и силуэтные фигуры. Они, несомненно, одновременны. Изображения всадников не дают каких-либо указаний на точное время их создания. Интересны рисунки котлов, помещенные здесь же²⁸. Их облик очень близок к известным бронзовым котлам так называемого «скифского типа». Пожалуй только подонны указывают на несколько более позднее «гуннское» время. Такие котлы из бронзы и глины встречены в Туве в могилах II—I вв. до н. э. Аналогии подобным изображениям котлов есть и на других писаницах Хакасии. В том числе на Боярской, относящейся к тагарско-таштыкскому переходному этапу²⁹. Все это позволяет относить рисунки котлов писаницы Хызыл Хая ко II—I вв. до н. э.

Таким образом, самые ранние известные сейчас свидетельства о существовании запряжных саней у населения Саяно-Алтайского нагорья относятся ко II—I вв. до н. э. Период более тысячи лет пока ничем не может быть заполнен. Древнехакасские сани XI в. из узунхайнского грота, в свою очередь, единственная находка предметов полозного транспорта Южной Сибири II тысячелетия н. э. Их также не с чем сравнить вплоть до этнографических материалов XIX—XX вв., но и здесь, как указывалось выше, сопоставления довольно условны, т. к. опи-

---

²⁷ Дьяконов В. П. Погребальный отряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975, с. 55, 105.

²⁸ На них обращал внимание еще И. Т. Савенков. (Указ. соч., с. 206.)

²⁹ См. Кызласов Л. Р. Древняя Тува. М., 1979, с. 103—105; Дэвлет М. А. Большая Боярская писаница. — СА, 1963, № 3, с. 131—134, 141.

саний упряжных саней собственно народов Саяно-Алтайского нагорья в литературе нет.

Имеются еще письменные свидетельства употребления в Южной Сибири саней в XIII в. У Рашид ад-Дина, например, речь идет о ручных охотничьих нартах и лыжах так называемых «лесных урянкотов»³⁰. Более важно сообщение посла Чан Дэ, отправленного в 1258 г. великим ханом Мёнкэ из г. Каракорума (р. Орхон) в Багдад к Хулагу-хану. По пути из Центральной Монголии в Семиречье (р. Чу) этот путешественник проезжал некую область Ма-а, где зимой использовали сани, запряженные лошадьми. В рассказе о его посольстве («Си-ши-ци. Записки о посольстве на запад». Автор Лю-Ю, 1263 г.) говорится: «Рассказывают, что киргизы (древние хакасы — И. К.), вместо лошадей употребляют для этой цели собак». По данным синоведа Н. В. Кюнера в «Си-ши-ци» «отмечены сани для езды по снегу у киргиз на Иртыше и Енисее, запряженные собаками вместо лошадей»³¹.

Для постановки рассматриваемых в нашей статье проблем важно само свидетельство об употреблении у юго-западных соседей средневековых хакасов конной санной запряжки в XIII в.³²

Упряжные сани саяно-алтайских народов, как говорилось, не зафиксированы этнографами. Существует лишь несколько описаний ручных охотничьих нарт (хакасских, тувинских, шорских, алтайских). Эти материалы позволяют, однако, отметить ряд общих с узунхайнскими санями черт: прямое вертикальное расположение копыльев, пазовое крепление нащепов и переводин (при отсутствии вязов), употребление подстилки, а не сплошного настила платформы³³. Для хакасских ручных санок

³⁰ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. первая, М.—Л., 1952, с. 124.

³¹ Бартольд В. В. Киргизы (исторический очерк). Фрунзе, 1927, с. 32; Кюнер Н. В. Китайские историки-летописцы о хакасах. — Записки ХАННИИЯЛИ, вып. III, Абакан, 1954, с. 137.

³² Конная и бычья запряжка в сани сохранились в Манчжурии (см. Стариков В. С. Ук. соч., с. 177).

³³ См., например, Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, 1900, с. 85; Серебряков В. К. вопросу о праазиатских элементах культуры хакасов. — Этнограф-исследователь. Л., 1928, № 2—3, с. 33—34; Потапов Л. П. Очерки по истории Шории. М.—Л., 1936, с. 65; Левин М. Г. О происхождении упряжного собаководства. — СЭ, 1946, № 4, с. 84.

отмечается и крепление копыльев в сквозных пазах полозьев³⁴.

Существование самобитных упряжных саней в традиционной материальной культуре народов Саяно-Алтая и прилегающих районов Восточной Сибири подтверждают некоторые косвенные данные. Так, например, у хакасов существует различие в терминах для обозначения саней. Ручные охотничьи нарты называются «санах» (ср. тувинское «шанак», шорское «шанак», алтайское «чанак», «шанак» или «чанак» у чулымских тюрков, «чанагач» 'ручная нарта' барабинских татар)³⁵. Упряжные рабочие сани называются хакасами совершенно иначе — «соор»³⁶ (ср. тофское «шор» — «сани», «татар шор» — чулымских тюрков)³⁷.

Лексическая основа чана/сана (усеченный вариант от чанах/шанак) и производные от нее слова служат для обозначения саней в тюркских языках не только Южной Сибири, но и Средней Азии (ср. узбекское и уйгурское «чана», казахское и каракалпакское «шана», киргизское «чана» или «чанаа»), Кавказа и Поволжья (ногайское «шана», карачаево-балкарское, кумыкское и татарское «чана», башкирское «сана» и чувашское «суна»). Использование в тюркских языках этой же основы для выражения понятий «лыжи», «полозья у саней и лыж» (например, у алтайцев), а также производных или близких форм со значением 'полоз у саней' (якутское сынаах), 'лыжи' (башкирское «саңғы», казахское «шаңғы», киргизское и татарское «чаңғы»), 'коньки' (кабардино-балкарское «аякъ чана», — позволяет прийти к выводу об

---

³⁴ Устное описание ручных нарт сагайцев сделано нам хакасским писателем М. Е. Кильчицаковым. Приношу ему за сообщение глубокую благодарность.

³⁵ Русско-хакасский словарь. М., 1961, с. 414; Русско-алтайский словарь. М., 1964, с. 675; Яковлев Е. К. Ук. соч., с. 85; Потапов Л. П. Ук. соч., с. 84; Томилов Н. А. О некоторых этногенетических и историко-культурных связях барабинских татар. — В сб.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973, с. 172; Львова Э. Л. Предварительный отчет по этнографической экспедиции на р. Чулым летом 1969 г. — Сб. Из истории Сибири, вып. 2, Томск, 1969, с. 153.

³⁶ Хакасско-русский словарь. М., 1953, с. 193.

³⁷ Боргояков М. И. О кангатах и их языке. — В сб.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1976, с. 53.

исконности и самобытности приведенных понятий для тюркских языков³⁸.

Не останавливаясь на имеющихся в литературе попытках этимологизации этой основы, отметим материалы, указывающие на то, «что полозья саней получили свое наименование по согнутой, крюкообразной форме» (башкирское «санка» 'перегнутый, наклоненный назад', «санкай-» 'перегибаться', 'отклоняться назад', 'откидывать голову назад', 'загибаться' (обычно о носке обуви); ново-уйгурское «чаңкак» 'крюк', чагатайское «чанка» 'когти', турецкое «чаңгәл» 'крючок')³⁹. Эта гипотеза хорошо проясняет терминологическое единство понятий 'сани', 'полозья саней' и 'лыжи', наблюдаемое в тюркских языках, указывает на самобытность и глубокую древность рассматриваемых понятий для этой языковой семьи.

С этой точки зрения определенное значение имеет факт заимствования в ряде монгольских языков основы «чана/сана». Тюркизмами являются калмыкское цан 'сани', монгольское «цана» и бурятское «сана» в значении 'лыжи'. Высказывается предположение, что эти заимствования произошли через посредство башкирского и хакасского языков⁴⁰, что в последнем случае не противоречит не только языковым, но и историческим фактам. Подобные явления в некоторых тунгусо-маньчжурских языках представляют собой заимствования из якутского⁴¹.

Широко распространена в монгольских языках лексическая основа «чирга», служащая для обозначения саней (письменное монгольское — «чирга», монгольское «чарга», бурятское «шарга», «чарга»). Она проникла в ряд тюркских языков (якутское «сыарга/сыырга» 'сани', тувинское «шырга» 'волокуша')⁴², а в тунгусо-маньчжурской лексике является или монголизмом, или заимство-

³⁸ Муратов С. Н. Некоторые наименования сухопутных средств передвижения и их деталей в алтайских языках. — В кн.: Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.

³⁹ Вторая часть интерпретации С. Н. Муратова, в которой он возводит термин «сани» к слову «челюсть», особенно в своей исторической «этимологизации» нас не убеждает (Указ. соч., с. 342).

⁴⁰ Муратов С. Н., Указ. соч., с. 341.

⁴¹ Там же.

⁴² Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Т. II, 1959, стлб. 2425—2426; Будаев Ц. Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск, 1978, с. 266; Муратов С. Н. Указ. соч., с. 340; Тувинско-русский словарь. М., 1968, с. 386.

ванием из якутского. У языковедов нет единой точки зрения на этимологию этой основы. Ее сопоставляют с монгольскими глаголами «тащить, волочить, возить, перевозить» или с тюркскими глагольными основами «чертить, проводить линию, волочить»⁴³. Несмотря на важность правильного решения подобных вопросов для воссоздания историко-культурных процессов, для нас сейчас особое значение несомненное свидетельство любого из этих вариантов этимологии о древнем знакомстве монголоязычных народов с таким средством передвижения как сани. На это же указывает определенная терминологическая специализация (например, «бурятское шэхэнэг» 'сани для вывоза навоза', «шэргүүбшэ» 'сани, оглобли у саней', калмыцкое Tsidül — 'волокуша, оглобля', маньчжурское «шэрхэ» 'нарта').

Употребление термина «сыарга (сыырга)» не только в значении 'сани', но как 'возок, воз, повозка, коляска, колесница', а также календарное значение слова 'сыарга ыја — октябрь) свидетельствуют о древнем знакомстве с санями⁴⁴. Давнее использование саней отразилось и в бурятской лексике: «шарга, чарга» 'сани' (ср. монгольское «чирга» в том же значении, тувинское «шырга» 'волокуша'), «шэхэнэг» 'сани для вывоза навоза'⁴⁵.

У всех этих народов существует развития терминология для обозначения основных конструктивных деталей саней, способная служить самостоятельным источником историко-культурного исследования. В словарях встречаются сведения и о животных, употреблявшихся для санной запряжки (см., например, якутские: «ат сыыргата» 'сани, в которые запрягают лошадей', «оғус сыыргата» 'бычьи сани', 'дровни', «таба сыыргата» 'оленный возок')⁴⁶.

Другим косвенным подтверждением существования саней у саяно-алтайских народов являются сообщения об изготовлении этих полозных повозок местными мастерами. По свидетельству знатока традиционного хакасского быта М. Е. Кильчичакова сагайцы еще недавно

⁴³ Муратов С. Н. Указ. соч., с. 340.

⁴⁴ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка, т. II, 1959, стлб. 2425—2426.

⁴⁵ Там же; Будасев Ц. Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск, 1978, с. 266; Тувинско-русский словарь. М., 1968, с. 386.

⁴⁶ Пекарский Э. К. Указ. соч., стлб. 2425—2426.

делали ранзообразные типы саней для нужд своего хозяйства.

Значительный интерес представляют изображения саней на некоторых предметах традиционного быта тюркоязычных сибирских народов. Они довольно обычны для якутских изделий XIX — начала XX вв. (резьба по дереву, гравировка по серебру), известны и на хакасских шкатулках-абдыра⁴⁷. Однако на этих изображениях часто узнаются русские кошевки. Рисунки шорцев подтверждают традиционность таких изображений. Едущие на запряженных лошадьми санях антропоморфные фигурки — интересная деталь раскраски шорских шаманских бубнов. Какой бы тип саней ни изображали эти рисунки, следует особо подчеркнуть сам факт изображения саней на столь важном предмете культа. Согласно древним представлениям у шорцев, создавая свой бубен, «перед нанесением рисунков шаман обращался к духу — хозяину бубна (анчазн) с просьбой дать указание, какие именно изображения следовало нарисовать на наружной стороне бубна»⁴⁸. Поэтому нетрудно понять, что на бубен наносились изображения глубоко традиционные, а нарисованные здесь предметы издревна употреблялись в народном быту⁴⁹. Каждая нарисованная на бубне фигура имела строго определенное магическое значение. Наиболее часто — все это изображения духов (пожалуй, лишь сам шаман, часто изображавшийся на бубнах, составляет исключение, но ведь и он — не простой человек, а вхож в мир духов). Поэтому глубоко справедливым представляется предположение С. В. Иванова о том, что на шорском бубне изображены едущие на санях духи⁵⁰. Недаром запряженные сани показаны на обеих частях бубна, символизирующих как небесный, так и под-

---

⁴⁷ Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — началу XX вв. М.—Л., 1954, рис. 5, 26; 17а; 21в; 35, 26.

⁴⁸ Иванов С. В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья. — Сборник МЛЭ, т. XVI, М.—Л., 1955; с. 222. Добавим упоминание Л. П. Потанова: «...нам удалось видеть на одном из шорских шаманских бубнов рисунок, изображающий оленя, запряженного в нарту». (Разложение родового строя у племен Северного Алтая. М.—Л., 1935, с. 97).

⁴⁹ Прокофьева Е. Д. Шаманские бубны. — Историко-этнографический атлас Сибири. М.—Л., 1961, с. 435, 436.

⁵⁰ Иванов С. В. Материалы..., подпись под рис. 108.

земный мир⁵¹. Особо подчеркнем, в связи со всем сказанным, что нарисованные на бубне сани запряжены лошадьми.

Рассматривая применение саней в различных областях традиционного культа южносибирских народов, приходим к еще одной важной теме: «Сани в погребальном обряде хакасов». Роль саней в погребальном обряде прошлого у многих народов хорошо известна⁵². Она особенно ярко выявлена у населения Европы, что, вероятно, во многом связано с относительно полной этнографической изученностью традиционной культуры этого континента. Обрядовая роль саней здесь может освещаться с различных позиций, и она ясно указывает на значительную древность этого вида транспорта в тех районах⁵³.

У сибирских народов по этой теме материал еще не собран. Встретив сани в древнехакасском погребении, мы сейчас можем привести лишь некоторые сведения, позволяющие утверждать, что и у народов Саяно-Алтайского нагорья колесные и полозные повозки также имели ритуальное значение, связанное с погребальным обрядом.

Археология до сих пор располагала только двумя фактами, фиксирующими существование погребальных повозок в средневековой Хакасии. В относящемся к XI в. аскизском кургане № 2 могильника Кизек-Тигей Л. Р. Кызласовым обнаружены остатки колесной повозки, на которой, вероятно, сожгли умершего⁵⁴. Второй случай не был археологически документирован и определить дату погребения нельзя. О находке колес большого диаметра в пещере у дер. Бузуновой на Енисее в 1886 г. сообщает Н. М. Ядринцев. Он же говорит и о находке еще двух колес от арбы близ современного Краснотуранска, но обстоятельства их обнаружения совершенно не известны⁵⁵. Таким образом, первая находка свидетель-

---

⁵¹ Иванов С. В. К вопросу о..., с. 222, 224; рис. 23, 2; его же. Материалы..., с. 667, рис. 108, 7, 8.

⁵² Анучин Д. Н. Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда. — Древности, т. XIV, М., 1890.

⁵³ См., например, Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов, М., 1978.

⁵⁴ Кызласов Л. Р. Курганы средневековых хакасов, с. 196, рис. 4 и 5.

⁵⁵ Ядринцев Н. М. Отчет о поездке в Восточную Сибирь в 1886 году для обозрения местных музеев и археологических работ. — ЗРАО, т. XII, вып. 1, СПб, 1887, с. XXI.

ствует о существовании погребальных колесных повозок в том же XI в., к которому относится и узунхайнское погребение, а вторая — указывает на существование обычая оставлять такие повозки в пещерах (вероятно, в бузуновской пещере также было погребение с разобранной арбой).

Важно отметить, что по этнографическим данным сани играли в погребальном обряде хакасов недавнего прошлого ту же роль, что и колесные повозки. Основные сообщения относятся к населению того же района, где на р. Есь находится скала Узун Хая, — к сагайцам и бельтирам. Похоронив покойника, они бросали на дороге сани или телегу, на которой везли умершего, повернув повозку передом к кладбищу. Обычно повозку увозили домой, но спустя три дня после похорон, нагрузив мелкими дровами. Последняя черта, вероятно, позднего происхождения. О том же, видимо, свидетельствует обычай представителей сагайского рода Харға забирать брошенные после похорон сани лишь через месяц-полтора спустя⁵⁶.

Еще более архаичное проявление такого обычая описывает для тех же сагайцев И. Каратанов: «Когда все готово, покойника из юрты или дома выносят на руках или веревках, ставят гроб зимой на сани, а летом на телегу крепко привязывают его веревками; кто-нибудь садится на запряженную лошадь и вместе с провожатыми мчится во весь опор до кладбища, где ставят гроб на землю, а телегу или сани разламывают и оставляют на кладбище; отвезить ее назад воспрещается обычаем...»⁵⁷ (выделено мною — И. К.). Краткое описание аналогичных обрядовых действий хакасов у свежей могилы («...телегу или сани быстро разламывают и тут же оставляют») встречаем и в другом сочинении конца

---

⁵⁶ Катанов Н. Ф. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные в В. Радловым. Часть IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов, Перевод. СПб., 1907, с. 356, 357, 562; Катанов Н. Ф. О погребальных обрядах у тюркских племен с древнейших времен до наших дней. — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XII, вып. 2, Казань, 1894, с. 118—125.

⁵⁷ Каратанов И. Черты внешнего быта качинских татар. — ИРГО, т. XX, вып. 6, СПб., 1884, с. 630. География приведенных здесь сказок, пещер и пр., описание междуречья Аскиза и Таштыпа, — свидетельствуют, что в заголовке статьи допущена ошибка и речь идет не о качинцах, а о сагайцах.

ХІХ в.⁵⁸. О некогда широком распространении подобного обряда на Саяно-Алтайском нагорье свидетельствует и недавнее соблюдение его в том же виде кумандинцами, которые не только зимой, но и летом отвозили умерших на кладбище на санях⁵⁹. В любое время года для этого пользовались санями (цанык) и жители Эрзинского района Тувы (и шаманисты, и ламаисты)⁶⁰.

Как видим, здесь многое совпадает с картиной, обнаруженной в узунхайнском погребении: и оставление на месте похорон саней, и их ритуальная ломка, и использование саней летом. Все это, на наш взгляд, позволяет сделать вывод о глубоких корнях такого обычая у саяно-алтайских народов, о корнях, уходящих, вероятно, к более древним временам, чем ХІ в., оставивший нам узунхайнское погребение с дөрвнехакасскими санями. Позволительно предположить, что тот тип рабочих саней, по образцу которого был изготовлен погребальный экземпляр, предназначался для конной запряжки и вероятнее всего, что для этого применялись ремни, а не оглобли. Вопрос о появлении оглобель в Южной Сибири нуждается в особом изучении.

Все приведенные археологические, этнографические, письменные и лингвистические свидетельства позволяют уверенно говорить об издавна существовавших в материальной культуре коренных народов Южной Сибири упряжных рабочих санях. Традиционными тягловыми животными для этих полозных повозок были лошади, а также, вероятно, быки.

---

⁵⁸ Кропоткин А. А. Саянский хребет и Минусинский округ. — Живописная Россия, т. XII, ч. 1 (Восточная Сибирь), СПб., 1895, с. 34.

⁵⁹ Сатлаев А. Ф. Кумандинцы. Горно-Алтайск, 1974, с. 163.

⁶⁰ Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев., с. 55, 105.

СОДЕРЖАНИЕ

Алексеев В. П. О происхождении древнейшего европеоидного населения Минусинской котловины	4
Потапов Л. П. Древнеуйгурские элементы в традиционной культуре алтае-саянских народов	11
Сунчугашев Я. И. Хакасские героические сказания как исторический источник	28
Кызласов И. Л. Древнехакасские сани (из истории средств передвижения)	45
Бутанаев В. Я. Традиционные способы ведения скотоводства у хакасов	68
Патачаков К. М. Семейно-родственные отношения у хакасов	82
Дьяконова В. П. Этнографические коллекции по хакасам в собраниях МАЭ АН СССР	101
Алоева Н. Г. Коллекция хакасских предметов в Государственном музее этнографии народов СССР (дореволюционный период)	125
Чалкина М. Ф. Отдел этнографии Хакасского областного музея краеведения	144
Бесталанных Т. В. Юбилейная выставка «50 лет Хакасской автономной области»	150
Зыков Ф. М. О некоторых якутско-хакасских этнокультурных связях	157
Шейнфельд М. Б. Творческий путь Н. Н. Козьмина	163
Кидиекова И. К. Л. Р. Кызласов, Н. В. Леонтьев. Народные рисунки хакасов	185
Девяшина Т. П., Карачакова И. Е. Список литературы по этнографии и антропологии Хакасии	188
Список сокращений	204